

Сегодня мы знакомим с малоизвестными эпизодами из жизни писателя, связавшего свою судьбу с Магниткой

ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА АВДЕЕНКО

Александр Остапович АВДЕЕНКО (1908–1996), русский писатель. Начиная трудовой путь на Магнитке помощником машиниста паровоза. Его перу принадлежат романы о Магнитогорске «Я люблю» и «В поте лица своего».

В 1927 году газета «Беднота» организовала конкурс самодельных пьес, на который поступило 4,5 тысячи пьес-рукописей из деревенской глубинки. Их сюжеты были тривиально-стандартными и выглядели примерно так: приезжает в деревню красноармеец – председатель сельсовета или селькор, начинающий организовывать колхозы. Естественно, у него появляются враги, которые всегда были или есть в деревне: это, конечно же, кулак, дочка которого тут же влюбляется в красноармейца (селькора или председателя сельсовета). Сам кулак боится устранить красноармейца и подбивает какого-нибудь местного пьянчужку убить героя агиток. Подкулачник во время свершения своего злодеяния роляет кушак (ремень, кисет, фуражку). Таковы мелкие детали свежеспеченных пьес, похожих одна на другую. Логическая предсказуемая связка: дочь кулака, как правило, выдает своего отца. Всех, конечно, ловят и судят. И счастливый конец: свадьба или митинг...

В начале 30-х годов был объявлен так называемый призыв ударников в литературу. Согласно лозунгу, сами рабочие-ударники должны были описывать свои трудовые под-

виги. Из всех потуг создать в ходе этой кампании нечто напоминающее художественное произведение выделился лишь роман под названием «Я люблю», принадлежавший двадцатилетнему машинисту-ударнику горячих путей на домнах Александру Авдеенко. Впоследствии уже известный писатель вспоминал: «...До приезда на Магнитку я считал себя ничем. И когда я стал работать на паровозе, когда выдавал вместе с доменщиками рекордные плавки, когда стал ударником, появились у меня гордость, самоуважение, достоинство человеческого».

После выхода огромным тиражом этого романа – он только в 1933 году выдержал два издания – перед Авдеенко открылась головокружительная карьера. Он стал членом Союза советских писателей, его назначили специальным корреспондентом «Правды» по Донецкому краю, ему выделили шикарные квартиры в Москве и Макеевке. Авдеенко позволяло совершать «для знакомства с капиталистической действительностью» заграничные круизы и командировки, разрешают приобрести редкий в то время зарубежный автомобиль «Бьюик»...

За короткий срок, кроме множества статей и очерков,

Авдеенко написал несколько посредственных произведений, последним из которых был сценарий фильма «Закон жизни». По этому фильму были хорошая пресса, большой кассовый сбор. Но Сталин, просмотрев фильм, назвал его антисоветским. И это решило судьбу фильма и сценариста. Чтобы наказать Авдеенко, Сталин прибегнул к своему излюбленному приему: неожиданно сбросить человека с вершины успеха и благополучия в грязь и позор.

Сам Авдеенко узнал о постигшей его опале, находясь в Киеве, когда 15 августа 1940 года увидел, как тщательно заклеивают свежие афиши с анонсом о появлении фильма на экранах. Затем он узнал, что сотрудники НКВД на мотоциклах объезжают кинотеатры города, опечатывая коробки с кинолентами. В тот же день он прочел анонимную разгромную статью в «Правде» «Фальшивый закон», которая была напечатана по личному приказу Сталина, отредактирована и дописана им. Наконец, ему была доставлена правительственная телеграмма с предписанием Жданова явиться в ЦК. Девятого сентября Авдеенко был вызван на заседание оргбюро ЦК, которое продолжалось с пяти часов вечера до полуночи. В этом заседании приняли участие Сталин, Жданов, Маленков, Андреев, руководители управления пропаганды и агитации ЦК, несколько писателей.

Против сценариста были выдвинуты обвинения в безыдейности, искажении советской действительности. Сталин не ограничивался репликами типа: «Авдеенко – человек в маске, враждебное охвостье. Говорят, он был рабочим. А разве мы не знаем таких случаев, когда бывший рабочий

становился нашим заклятым врагом?» Он подробно рассуждал о Шекспире, Гоголе, Чехове, доводил до сведения присутствующих, какой манерой письма отдает предпочтение. В своем выступлении, резко отрицательно оценив фильм, Сталин заявил: «... Я бы предпочел, чтобы нам давали врагов не как извергов... У самого последнего подлеца есть человеческие черты, он кого-то любит, кого-то уважает, ради кого-то хочет жертвовать... Дело вовсе не в том, что Авдеенко изображает врагов прилично, нашего брата он в тени оставляет. Красок для победителей у него не хватает. Я бы хотел знать, кому из своих героев он сочувствует. Во всяком случае, не большевикам».

На замечание Авдеенко, что он никогда не думал, что в ЦК с ним будут так разговаривать, Жданов ответил: «Вы разве считаете, что творчество не под контролем партии?»

В результате этого «обсуждения» Александр Авдеенко был исключен из партии, изгнан из Союза писателей и выведен из состава Маковского горсовета как «лишней человек среди избирателей».

Его семья в Макеевке была выселена из квартиры и дачи переселена в бывшее овощехранилище. Все книги Авдеенко были изъяты из библиотек. Правда, репрессирован он не был.

Размышляя много лет спустя над причинами расправы с ним, Авдеенко писал: «Какое злое совпадение. В одно и то же августовское время убит Троцкий, а я распял на страницах любимой «Правды». Как неожиданно, как страшно время соединило две судьбы, абсолютно чуждые друг другу... Не время соединило мою беду с бедой Троцкого, а одна и та же карающая, мстящая рука».

Оценивая деятельность Союза писателей тогда, в 1940 году, Сталин подчеркивал, что «тунеядцев» в СП много, и давал указания «неисправимых и безнадежных – исключать». К писателям было предложено назначить административные функции передавались не литераторам, а людям, знающим литературу. Именно через такие решения проявлял Сталин заботу об «инженерах человеческих душ».

Были, конечно, и другие

формы такой «заботы». Расправляясь с одним писателем (Мандельштам, Бабель и другие), он ограждал некоторых от репрессий, лишая их, однако, возможности печатать свои произведения (Платонов, Булгаков, Пастернак), третьих – активно поддерживал (Симонов, Эренбург), четвертых выдвигал на административные посты в СП (Тихонов, Фадеев), пятых, как, например, Маяковского, официально канонизировал. Расставляя писателю по ступеням некой «табели о рангах», Сталин интегрировал их в командно-административную систему, элементом которой становился сам Союз писателей, как и другие творческие союзы.

Судьба же подарит Александру Авдеенко последние звездные часы в 1954 году, когда им будет опубликована шпионская серия романов «Над Тисой», «Горная весна», «Дунайские ночи», которыми зачитывалось молодое поколение шестидесятников. Но это уже совсем иная тема – тема холодной войны в литературе и искусстве.

ВАЛЕРИЙ ЕФИМОВ,
краевед детской станции
туристов.

Случай в трамвае

РАССКАЗ

В ТРАМВАЕ сидел человек и читал книгу.

Он ехал домой со смены и всегда имел обыкновенные полистать какую-нибудь литературу по дороге. Больше он ничем не выделялся. Такой серенький, абсолютно неприметный человечек. И ростом невысокий, и одежда так себе. Обыкновенный работяга. А чтиво, видать, было интересное, потому что он даже не заметил, как рядом с ним встали еще три пассажира. Пахло сразу свежим перегаром. Скорее всего, троица была с похмелья, и праздник у них еще продолжался. Это были молодые люди. Два парня и девушка. Несмотря на помятый вид, энергии в них было еще достаточно. И эта троица решила веселиться дальше. Уже в трамвае. Они тут же забыли, куда едут и зачем. И сразу переключили все внимание на товарища с книжкой.

– Ты смотри-ка, грамотный что ли?.. – начал первый.

– Да нет, буквицы потерял знакомые, наверное, – предположил второй.

– Они, те, которые ликбез закан-

чивают, все такие. Ничего не понимают, а всегда вид делают – особенно на людях – что они и вундеркинды, и феномены, что дальше некуда!

Парни разговаривали вроде как между собой и будто негромко, но все же так, чтобы сидящий перед ними их слышал.

И тот действительно их услышал! Немного потерпев, мужчина поднял голову. Взгляд его был усталый и блуждающий, то есть было непонятно – на кого он смотрит. В общем, смотрел он на этих троих, как на пустое место.

– Вы что, ребята, подражаться хотите? – без предисловия начал человек с книжкой. Он закрыл свою литературу, положил ее на колени и освободившейся рукой взял за поручень переднего сиденья, за которое держался и один из его обидчиков. Его рука как бы случайно легла на ладонь хулигана.

– Так нет проблем, – продолжил «серый человечек». – На следующей остановке выйдем. Вас же трое, а я один. Справитесь!

Парень попытался отдернуть руку. Но у него ничего не получилось!

– Ты что, боишься что ли? – проговорил дядька, заметив это движение. – Я же не заразный. Выйдем, выйдем. Я вас молодых знаю. Раз уж начали, все равно не отстанете. Чего тянуть...

При этом его рука сжимала ладонь трамвайного хулигана все сильнее и сильнее.

– Вот сморчок, – думал парень, пытаясь выдрать свою ладонь из объятий чужих сильных пальцев. Подружка с интересом смотрела на обоих. Она заметила напряжение своего товарища. Что за человек этот мужчина?.. Эта серенькая мышь, эта моль бледная? Тем было любопытнее, чем же вся эта история закончится.

А закончилось, и вправду, все необычно. Объятия чужой руки, сжимающей ладонь молодого гуляки, с каждой секундой становились все сильнее и сильнее. И вот наступил момент, когда парень резко согнулся, потом, наоборот, тут же выпрямился, как будто трамвай неожиданно затормозил, схватился свободной рукой за верхний поручень и опять чуть присел. Словно упасть боялся. Теперь лица противников были рядом, и маленький человек начал что-то говорить своему оппоненту. Что

именно, остальные не слышали. Со стороны это выглядело, как будто два товарища мирно о чем-то беседуют – более старший что-то объясняет более младшему, и молодой торопливо с ним соглашается. И это было видно по тому, как парень энергично кивает головой. А на следующей остановке веселая компания все же вышла, но без мужчины. Тот так и остался читать свою книжку дальше. А вот те, которые с похмелья, на остановке занялись «разбором полетов» – почему это их дружок спешно вышел из трамвая да еще и их прихватил!

– Ты что, дурак что ли! – начал первый. – Разве этому оригиналу прямо в трамвае не мог накатить! А то ему тут пару слов прошептали, за ручку подержали, он и рад до беспомыслия. И запел сразу по-другому: «Пойдем, ребята, на выход. Хватит ерундой заниматься...» Тьфу! Что этот козел там тебе наговорил, что ты сразу таким добреньким стал!

– Да не козел он. Отличный мужик, – ответил второй и снял перчатку с руки – с той, которая еще недавно лежала на поручне и была накрыта ладонью того странного человека. Вся кисть была синяя! – Вы представляете, что было бы, если б он с такой силой прилозил меня! Или тебя... – воскликнул парень, трясая синей ладонью перед

глазами товарищей. – Вот он в трамвае об этом со мной и говорил. «Ну что, спрашивает, ручками подержались – и хватит?.. Или тебе еще и дальше надо?..»

– Ой, я бы с ним познакомилась! – воскликнула девушка. – Какой интересный мужчина!

– Спасибо, я уже познакомился... Тебе бы, Ленка, все амуры крутить, – заворчал парень, потирая руку. – Вот он мне тогда и говорит, а у самого лапа, как тиски. «Если, говорит, вам знакомство со мной понравится, я этим же маршрутом завтра еду. Заходите...» Вот так! А как мне на лекциях теперь!.. Конспекты!.. Неделю теперь, наверное, писать не смогу!

Товарищ и товарка сразу примолкли – посиневшая рука их дружка произвела впечатление. Мужик действительно оказался хорошим. Другой о своих возможностях и предупредить бы не стал. Попросовал бы ради тренировки – и все... А этот молодец... просто взял, надавил на ручку – и все довольны!

...Тот человек вышел из трамвая через несколько остановок. Он чуть прихрамывал. В общем, походка была неважная – одна нога приволакивалась. «Хорошо, хоть руки работают, – подумал он. – В следующий раз на тренировке вес на штанге надо бы добавить. Не помешает...»

АНДРЕЙ КУДИНОВ.